

КАРТИНКА 9. ВЫДОХНУТЬ ВРЕМЯ. МАРШРУТ: ПУТЕШЕСТВИЕ НА «САПСАНЕ» — ЛЕНИНГРАД — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — ТАНКИ НА НЕВСКОМ — ЗАКОН МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПЕРСПЕКТИВ

«Сапсан — это сокол с оперением цвета стальной колесницы и мощными когтями, падающий в охотничье пике со скоростью сверхзвукового самолета; гордый самодержец охраняемых им владений; верный спутник на всю жизнь своей избранницы и друг ветра, гуляющего вместе с ним между небом и путошью», — вспомнила я слова моей учительницы биологии, как, впрочем, и ее саму, такую похожую на птицу, не очень молодую женщину, стоящую у классной доски и указывающую на плакат с изображением сокола-сапсана. «Посмотрите, — как будто

пыталась она убедить нас, — ведь это чудо, а не птица!

Приблизительно такой же щенячий восторг испытала и я, придя на Ленинградский вокзал и увидев вместо привычных зеленых вагонов пассажирского поезда этакий почти белоснежный фантастический лайнер с алым носом и синей полосой внизу. У перрона стоял поезд «Сапсан», следующий из Москвы в Санкт-Петербург со скоростью легендарного сокола. Несмотря на достаточно дорогие билеты, которые, кстати, пришлось покупать заранее, это чудо транспортной техники было заполнено пассажирами до отказа. В элегантные двери межстоличного экспресса входили не только деловые люди в костюмах и с портфелями в руках, но и многочисленные иностранные туристы и молодежь, одетая модно, броско и дорого. Аромат денег, дорогих духов, удачи и благополучия составлял атмосферу поезда. Дельцы и государевы слуги возвращались из Первопрестольной домой, а мо-

лодежь и туристы ехали повеселиться и покутить в культурную столицу страны, что славилась не только своими музеями и парками, но и ночными клубами и ресторанами на любой вкус. Я села в мягкое кресло «Сапсана» у окна и невольно вспомнила, как сорок лет тому назад мы студентами ездили погулять в Питер на выходные.

Добирались, конечно, ночью, на третьей, самой верхней полке общего вагона, где можно было не только вытереть всю вековую пыль и задохнуться от смрада человеческих тел, но и подремать — правда, просыпаться иногда доводилось как без сумки и кошелек, так и без сапог и шапки. Помню, однажды в январе, после сдачи сессии, поехала я в гости к своей ленинградской тетушке. Устала страшно, ну и провалилась в сон, а свои зимние австрийские сапоги, стоившие в то время месячную зарплату врача или трехмесячную стипендию студента, сняла и положила рядом с собой. Открыла глаза, когда поезд уже остановился

на перроне Московского вокзала, глянула, а обувки-то моей нет. Разревелась, конечно, где я еще куплю такие сапоги?! Глубину моего горя могут оценить только те, кто жил в советское время, в эпоху уродливой продукции отечественной промышленности и пустых магазинных полок. На улице минус двадцать пять, а я в одних носках! Хорошо, что тетя меня встречала. Она купила у проводницы какие-то тапочки, в которых я и добежала до такси.

После смешных и немного грустных приключений в ночном поезде мы шли гулять по набережным, грелись в Эрмитаже или Русском музее. Ели восхитительное мороженое на Невском в легендарном кафе «Лягушатник», где еще можно было выкушать чашку бульона с пирожком или купить у ленинградских фарцовщиков настоящие джинсы Levis, а после вернуться счастливыми обратно в том же общем вагоне.

А эти ленинградские гостеприимные парадные с облупившимися стенами, запахом мочи, кислых щей и табака, где можно было переждать дождь и где почти всегда находилась старушка, готовая впустить переночевать совершенно незнакомых молодых людей, опоздавших на поезд?! И тогда мы попадали в уникальные ленинградские коммуналки, в которых сквозь вопиющую нищету и пьянство проступало царственное величие былого. Вот сыплется разрушающаяся лепнина на потолке или открывается прекрасная голландская печь, а рядом облупилась краска с плафона, обнажив остатки старинной изящной росписи. Огромные окна с радужными разводами мазутных пленок смотрели в грязные, сырые, всегда без солнца дворы-колодцы, что притягивали нас своей марги-

нальной культурой и бородами, странно одетыми музыкантами, хрипящими совсем не советские песни. Солнечную сторону Невского покрывали лохмотья фасадов неопределенного цвета, а Спаса на Крови скрывали почерневшие от дождей и времени вечные реставрационные леса. Бывшая имперская столица представляла собой в то время ветхое лоскутное одеяло, где кусочки парчи уже практически не встречались, а все больше торчали гнилые нитки разваливающейся Страны Советов. Но в Москве тогда было совсем «душно», а в Ленинграде — «ветрено», и мы вздохнули дышали этим ветром, как нам тогда казалось, свободы.

Последний раз я была в Питере в начале девяностых, когда нельзя было уже гулять вечером даже в центре города, где могли избить и ограбить, и когда я глядела на мусор, перекачиваемый резкими порывами ветра, мне казалось, что я бреду по городу времен Гражданской войны.

Сидя в фантастическом поезде «Сапсан», я думала о том, что современный Санкт-Петербург, вероятно, отличается от Ленинграда так же, как этот экспресс — от старого общего железнодорожного вагона.

Несколько лет тому назад я сломала ногу и поскольку времени было много, нашла наугад старый детективный сериал, который охватывал период времени от Ленинграда до современного Санкт-Петербурга. Начала его смотреть, и постепенно детали — фасады домов, архитектура улиц, интерьеры квартир, машины, одежда героев, обороты речи — все то, что характеризует ту или иную эпоху, — затамили меня в динамику прошлых лет. Это было похоже на ускоренную съемку, которую так любят биоло-

ги, когда демонстрируют процесс роста растений или взросления птенцов. За какие-то двадцать часов я увидела, как Ленинград превращается в Санкт-Петербург. Я смотрела на улицы, людей, их одежду, машины, слушала их разговоры, сопереживала их поступкам — и физически ощущала, что все эти детали на моих глазах создавали иную страну и город. Ведь прошлое человека — это не только его персональная судьба, состоящая из ошибок, удач, провалов, предательства друзей и партнеров, это еще и часть общих глобальных перемен.

Я наблюдала, как разваливались советские заводы, как бывшие партюкраты создавали свое дело, а потом эти успешные и богатые люди становились никем; как лучшие друзья превращались во врагов и как персональная зависть, перерастая в ненависть, корежила все вокруг; как «непреклонные» блюстители закона силой вытесняли «новую буржуазию» и становились «современной элитой», полностью контролирующей государственную казну и недра страны. И как постепенно общество становилось другим.

Люди, одетые в джинсы и свитера, сидящие за рулем стареньких авто, бескорыстно помогающие друг другу, отмечающие вместе праздники, превращались в автоматов, роботов, одетых хорошо и дорого, словно модели в журналах, с улыбками и голливудским макияжем. Разговоры становились сугубо деловыми, уходило искренность, благородство, тактичность, что ли. Никто уже просто так не общался с другом за столом, не шутил, не делился личным. Страна из эмоционального, личностного, борющегося, ошибающегося, дерущегося, но живого времени, дающего надежду, кадр за кадром

выпадала в безликое, равнодушное, упорядоченное, скучное время с воссозданным «историческим» фасадом.

И чтобы убедиться в этом, изгнать призраков из своей памяти, возможно, обрести былую легкость, я помчалась соколом с Ленинградского вокзала на Московский. Мне надо было физически дотронуться до стен столь изменившегося за эти годы города, чтобы ощутить себя частицей времени, выдохнуть прошлое и освободить энергию, связанную им.

Молодящаяся громада Московского вокзала, как губка, впитывала в себя пассажиров, спешащих в город со столичного экспресса. Вокзал встречал меня, гулко отсчитывая четкие шаги на циферблате башенных часов, расположенных под крышей каланчи над главным его входом. Город приветствовал гостей морозью и шквальным ветром с Финского залива.

Петерская погода, как красивая женщина, переменчива, неверна и ветрена. Только из серого насупленного неба сыпанет колючая крупка, мороз чуть приласкает землю ледяными объятиями — и тут же дохнет ветер, разорвет занавес облаков, и выглянет заспавшееся солнце. Снег насупится, заплачет горькими от химических реагентов ручьями, и спешащие прохожие привычно потащатся дальше по своим бесконечным делам, хлюпая ботинками и ногами, чертыхаясь и ругая судьбу. Как похожа погода Санкт-Петербурга, Риги, Копенгагена, Бостона, Чикаго, расположившихся на берегах огромных озер, заливов или морей, где за одни сутки можно прожить четыре времени года!

После столь долгой разлуки с любимым городом хотелось

пожить обязательно на Невском, и мои друзья забронировали мне номер в шикарном отеле «Талеон», что на углу Мойки. Пока я добиралась до гостиницы, сливовые облака разбежались, и выглянуло солнышко, ласково меня подтолкнувшее в холл отеля, где вместо «добро пожаловать в нашу гостиницу» я услышала громкое чтение Корана. В Чистый четверг на Пасхальной неделе рядом с Казанским собором проходил международный конкурс чтецов Корана, куда съехались участники из многих стран мира. Так началось заново мое знакомство с этим городом ветров и перемен.

Вечером меня ждала новая сцена «Мариинки» и опера Чайковского «Опричник». Произведение, по словам композитора, измучившее его, было создано по сюжету Ивана Лажечникова и описывало одну из самых трагических и противоречивых страниц истории Московской Руси, борьбу опричников и бояр. Режиссер, художник и хореограф очень смело интерпретировали образ опричников, к примеру, нарядив их в белоснежные, очень сексуальные костюмы, состоящие из галифе, мягких сапожек и облегающего кителя. Кокетливые головные уборы в виде шапочек, как у дятлов, украшали головы «кровожадных царевых псов», видимо, заменяя традиционные их символы: собачью голову и метлу. Пляски москвитов напоминали, скорее, коллективные упражнения монахов Шаолиня. Партию же Федора Басманова — вероятно, для подчеркивания того факта, что он был любовником и фаворитом Иоанна Грозного, — исполняла женщина. И все бы это можно было бы как-то... даже воспринять, если бы качество звучания голосов исполнителей

не было таким глумим. Все-таки главное в опере — именно звучание, а не эффектное, переворачивающее все с ног на голову, разрекламированное действо. «Господи, хоть бы они не тронули “Спящую красавицу” в постановке Мариуса Петипа, а ведь могут захотеть прославиться и разрушить прекрасное», — подумала я, покидая театр после первого действия «Опричника».

Следующим утром я проснулась от того, что гостиничная кровать подо мною ходила ходунком, стекла окон дрожали, а все вокруг лязгало и грохотало. «Землетрясение», — подумала я, вскочила и бросилась к окну номера. Отдернув штору, я увидела, что по Невскому проспекту идут танки, боевые машины пехоты, артиллерийские тягачи с захеленными пушками и ракетные комплексы «Тополь». Многочисленные туристы стояли по сторонам улицы и усердно щелкали фотоаппаратами и мобильными телефонами. От созерцания марша вооруженных сил меня оторвал телефонный звонок.

— Посмотри в окно, посмотри в окно! — взволнованно кричали в телефоне. — Я видел такое уже однажды, это было в Москве, в августе 1991 года, когда произошел государственный переворот и Горбачева отстранили от власти. Собирайся и немедленно выходи, мы идем в американское консульство! — очень четким командным голосом чеканил мой американский коллега, напросившийся со мной на Пасху посмотреть Санкт-Петербург.

Мне стыдно сейчас это вспоминать, но я начала смеяться. Я хотела вздохнуть, до икоты, а Макс кричал в телефон, чтобы я прекратила истерику и начала паковать вещи.

— Макс, дорогой мой, успокойся, ты запомятовал, где ты находишься, это же репетиция военного парада, а сам он будет проходить 9 мая на Дворцовой площади, — попыталась я успокоить своего иностранного друга, вытирая слезы ладонями обеих рук.

— Действительно, я забыл, что это такая русская национальная забава — ездить по своим самым красивым улицам на танках, чтобы потом эти улицы ремонтировать! А деньги, потраченные на все это, нельзя ли в честь праздника Победы раздать нуждающимся старикам, ну или лекарства им купить, протезы, продукты?! Извини, что я немного грублю тебе, просто я не был готов утром увидеть танки под своим окном! Пока, прости меня еще раз за беспокойство. — В трубке раздались короткие гудки, и я подумала, что перемен в городе много, а танки как двигались на Дворцовую площадь по Невскому, так и двигаются.

Поскольку Невский был перекрыт, а лязг и грохот железа во мне всегда вызывали скорее страх, чем патриотический восторг, я побрела по набережной Мойки к Исаакиевскому собору, затем поспешила поклониться памятнику Петра Великого, а от него уже двинулась вдоль Адмиралтейства к Дворцовой набережной полюбоваться на мосты и стрелку Васильевского острова. Я смотрела на золотой шпиль Петропавловского собора, что давно пронзил мое сердце и подарил

мне ангела, и не могла налюбоваться тебе. Как же я истосковалась по тебе, мой любимый Ленинград, по твоим просторам и по этому ощущению легкости! Я стояла у берегов Невы, ветер наполнял мои воображаемые, потрепанные годами крылья, а глаза впитывали невозможно прекрасную панораму фактически возрожденного реставраторами города. Теплое блаженство разливалось по телу. Энергия хлынула в мою душу, наполнила разум и заштопала крылья. Ура, я снова могу летать, спасибо тебе, Санкт-Петербург!

В Москве нет такого простора, там надо находиться высоко, чуть ли не на уровне кремлевских звезд, чтобы видеть чуть дальше стены соседнего здания. В Питере же любой может смотреть сквозь гигантские пространства и ощущать собственную избранность и сопричастность творениям предков.

Люди в городах не видят звездного неба из колодцев-дворов и каналов-улиц, а рассветы и закаты им заменяет зарево реклам и ночных фонарей. И только городские ангелы-архитекторы ломают параллельные прямые маковками церквей, башенками с часами, ажурными балконами и выстраивают кубики гор, зная, что где-то всегда есть точка, с которой душа может увидеть и оценить гармонию и красоту их творений. Каменные дети, так же как и живые, бывают удачные и неудачные, имеют свой характер и душу, но увидеть это можно только на расстоянии,

для чего порой надо подняться высоко-высоко, расправить крылья и парить, пропуская сквозь себя ветер и свет далеких солнц, но человек не птица, он не умеет летать, а архитекторы видят такими города лишь на своих макетах.

Но есть в мире место — Санкт-Петербург, где человек, стоя на Дворцовой или Университетской набережной, может почувствовать себя птицей, наблюдая множественность перспектив, создаваемых рекой, мостами, островами, каналами и улицами. Древние знали, что созерцание больших открытых пространств избавляет душу от дрожи, тело — от боли и усталости, разум — от осколков нерешенных проблем. Они шли встречать рассвет или закат, учились смотреть сквозь, и созерцание просторов очищало их, а свет Божий наполнял энергией любви и творчества.

Чем больше в городе разнообразных перспективных планов, созданных талантом зодчих, тем значительнее количество творческой энергии накапливается там, и тем чаще в этом городе рождаются талантливые люди: ученые, политики, художники, композиторы, правители. Закон множественности перспектив действует на всех планах бытия.

Продолжение следует.

США

